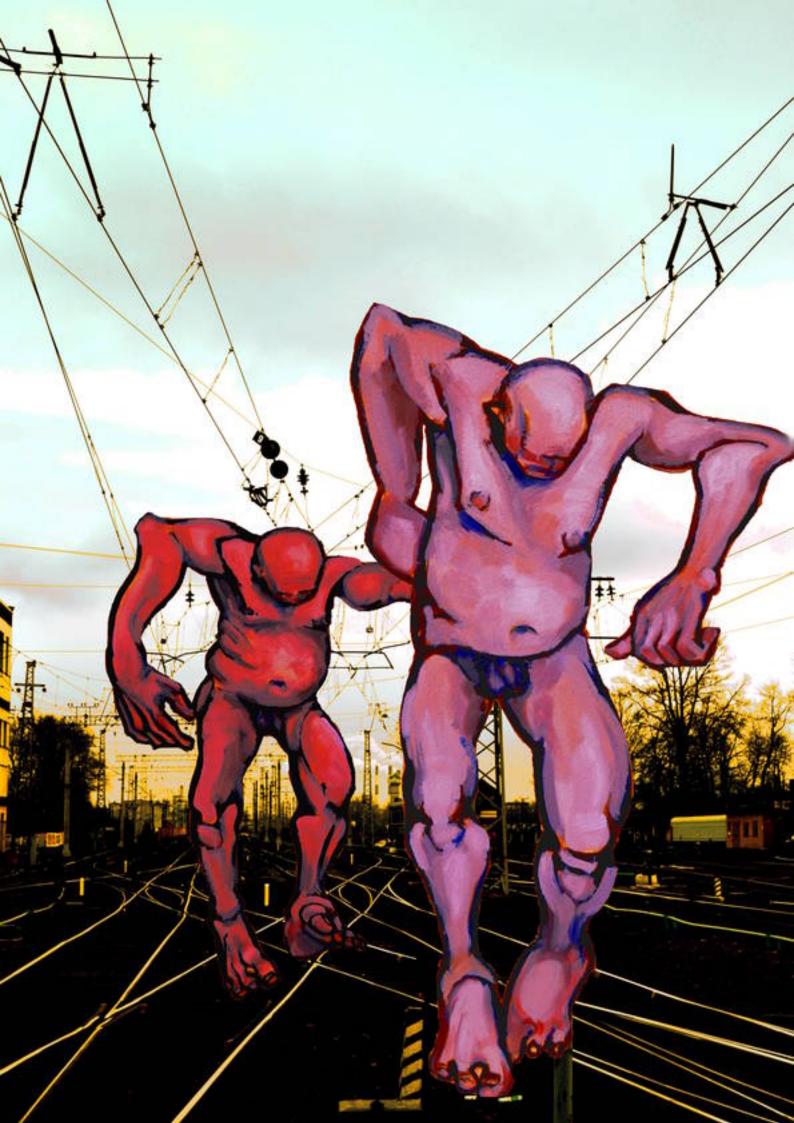

Не тебе ли жрецы Эскулапа Выскребали мозг через ноздри? Запятыми блокнот исцарапав, Ты дефисами портишь воздух

Прибинтован хребет к батарее Притаилась в бронхах мокрота Точки цвета густой гонореи Запеклись на страницах блокнота

когда будет конец света?

мы уже работаем над этим вопросом

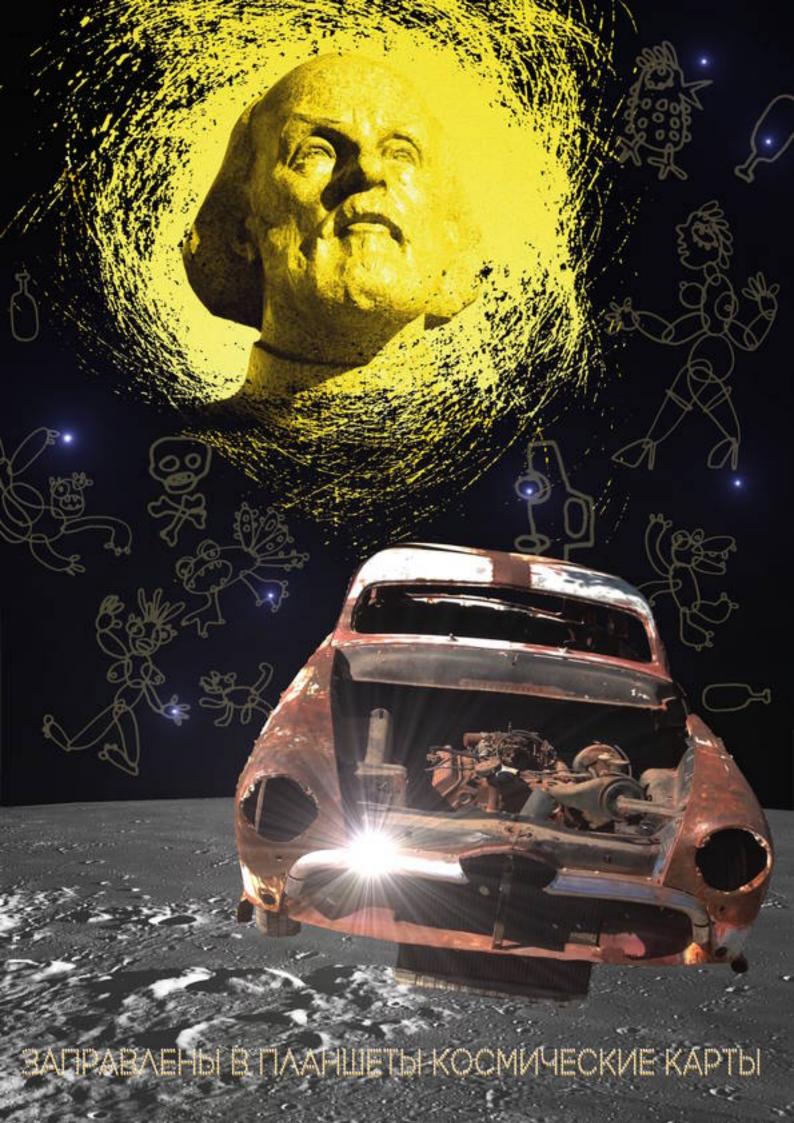
это все очень индивидуально

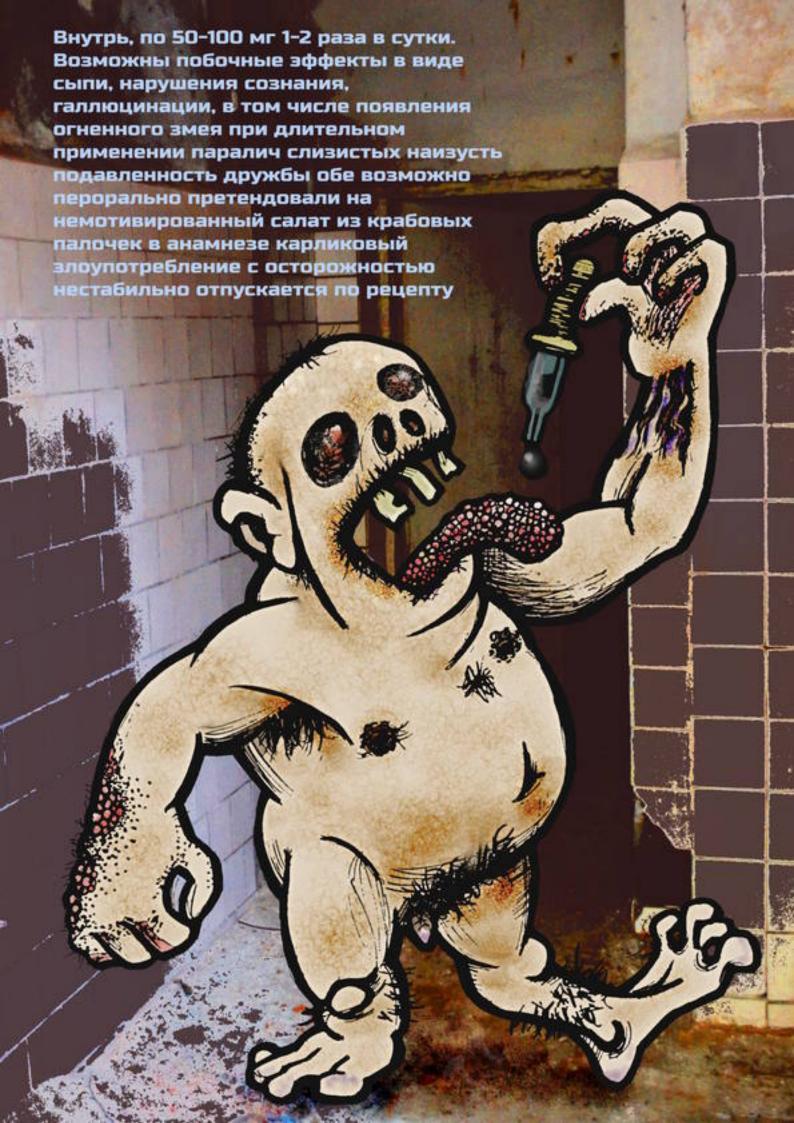

скорей бы уже!

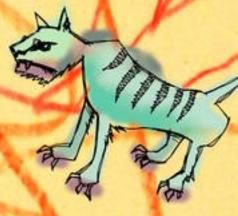

Рита и Волк

жанр: A.L.G. автор: Г.К.

Апрель: слабенькие цветы пробиваются из мертвой земли.

Сентябрь: стога сена; тачка, полная кочанов капусты, облокотилась на забор.

Январь: заснеженные елки в горах; голубое морозное небо.

Послушно и монотонно чучело сумчатого волка кружится на карусели своих воспоминаний. Неторопясь, месяц за месяцем изучает календарь с ностальгическими фото-пейзажами - единственная панорама доступная для его стеклянных неподвижных глаз.

Когда стоишь все время в одной позе - перестаешь различать сон и явь. Калейдоскоп дней плавится, перемешивается и пестрая мозаика становится серым базальтовым сиропом.

В захламленной прихожей, где зеркало, словно алтарь шиваита, завешано гирляндами бижутерии, фотографиями, связками ключей и солнечными очками. Здесь, на тумбочке, среди разбросанных счетов за квартиру и брошюр кандидатов из почтового ящика, чучело пытается представить себе живого сумчатого волка внутри глянцевых картинок, составить коллаж. Вот он скачет, играя, по скошенному полю - беззаботный и легкомысленный волчонок; вот собирает еловые шишки и складывает их к себе в сумку. Новые незнакомые запахи влекут его к опасности, влекут к забору, к таинственному белому человеку что пасет овец и совершает фатальные нелепости.

А вот здесь обгрызанный "кох-и-нор" жирно обвел в календаре двадцать четвертое мая. Ведомый уверенной рукой, он очертил круг и упал обратно в сиропную жижу. Тратит себя направо и налево.

Двадцать четвертое мая - когда это? Это уже было или еще будет? Суждено ли ему настать?

Для внимательного наблюдателя мир полон удивительных фактов, связанных в удивительные загадки, невидимые в тусклом свете рабочего дня.

Почему они оставили дверь открытой? Почему двадцать четвертое? Что-то нарушилось в этой последовательности приходов, уходов, стуков, сумок, обуви. Ритм сбился. Волк кружится и ищет следы, принюхивается и строит цепочки, прокладывает маршруты. Между облаком воспоминаний и этой квартирой на четвертом этаже в стране вверх ногами.

...В воскресенье, двадцать четвертого, когда Рита бегала по супермаркету, наполняя тележку до краев разной едой, а ее брат Роман летел над океаном на конференцию разработчиков компьютерных игр с презентацией о новой версии симулятора шоппинга в торговом центре, у их отца Леонида Николаевича случился летальный запор. Обнадеженный врачами, он коротал время перед экраном, на котором разворачивался матч Лиги Чемпионов, как вдруг ему стало как-то не по себе, лицо стало красным и вздутым, глаза с лопнувшими сосудами закатились и перестали контролировать игру.

Самолет Романа как раз шел на посадку - он знал, что в аэропорту его ждет человек по имени Мэй, а Рита тянулась за бутылкой Божоле, телефон был в сумке и она его не слышала. Вобщем Рома и Рита были далеко, а Джон Тэрри на поле по телевизору что-то объяснял судье, но тот не желал менять принятого решения и вел себя слишком агрессивно для футбольного арбитра, возможно чувствовал, что сейчас в Генуе его сын пытается тайком расплатиться по папиной карте за еще не вышедшую новую версию "Черной Пятницы", а все судьи доверяют своему родительскому чутью.

Леонид Николаич стал тускнеть и замыкаться в своем отчаяньи, в своем внутреннем монологе, бессвязном и стремительно заполняющем черным липким гудроном кубометры его комнаты, полной экзотического мусора воспоминаний. Ритм сбился, в этот момент ножи на шкафу могут начать мстить. Маски монгольских демонов уже готовились спрыгнуть со стен и наброситься на хозяина, почуяв его беспомощность, но из эфира попрежнему звучал будничный голос телекомментатора, ободряющий и надежный как у диспетчера службы спасения. Этот голос, словно запах чеснока, очерчивал магический круг и отгонял тьму. Они не дадут ему вот так просто уйти. Люди. Миллионы людей. Они рядом, они держат его за руку. Их добрые спокойные лица говорят - "Не надо усложнять, не надо торопиться. Здесь столько интересного - футбол, кино, музыка, магазины, работа."

Как здорово было бы жить вот так, жить как все. Понять почему они так радуются пустяковым событиям своего герметичного мирка, не связанного ни с чем и похожего на самодовольный мыльный пузырь. Как хочется радоваться вместе с ними, смотреть в экран и быть счастливым. У них ведь получается.

...Мимо Риты, как елки в окне поезда, мелькали ряды уходящих за горизонт витрин, заставленных баночками, коробочками, пакетиками, бутылками, пачками, упаковками, покрытыми бесконечными текстами, ожидающими своей декомпозиции. В мясных, молочных, овощных лабиринтах кружились покупатели с тележками; в броуновском вальсе бумажных снежинок их мерцающие фигуры замирали и проворачивались вхолостую, словно вышедшие из зацепления мягкие шестерёнки. Бал! Механический бал. Пара-рам-пам-пам! Пара-рам-пам-пам! Ритуальный танец Цам во имя священного духа простой хорошей жизни; румба, адаптированная для старшей возрастной группы.

...Отец, когда ты уже выбросишь все эти журналы? Пройти негде - завалил все макулатурой. Что ты вообще за свинарник здесь развел? А Настя что? Ее тоже это устраивает? Нашли друг друга! Пап, пора уже, наконец, повзрослеть. Ты как себя сегодня чувствуешь?

...Новый игровой движок оптимизирован для работы на более мощном железе. Учтены возросшие требования, устранены замечания: управление скидками и бонусами теперь динамическое, все можно менять на лету; меню характера и предпочтений персонажа полностью переделано в новой версии, боты-полицейские стали гораздо интеллектуальнее и почти не тупят.

Рита любит эту игру. Наполнить корзину, наполнить, чтобы жить. Под атмосферный саундтрек - коробочка за коробочкой, пакетик за пакетиком. Вишнёвый йогурт, персиковый йогурт, бананово-ананасовый йогурт. Цена, скидка, объём, дата изготовления, энергетическая ценность, страна-изготовитель. В корзину. Массовая доля жира, ароматизатор, идентичный натуральному, Е1442, регулятор кислотности, бензоат натрия. Без ГМО, уникальная рецептура. В корзину. Больше вкуса за ту же цену. В корзину. Только отборное мясо из лучших фермерских хозяйств. В корзину.

Чем сегодня себя побаловать? Чем же побаловать? Что-нибудь новенькое. Чем разнообразить? Или ограничить? Сегодня ограничить, чтобы завтра побаловать. Это полезно или вредно? Что принесёт мне этот йогурт - добро или зло? Сколько баллов настроения, сколько очков здоровья?

Впрочем не исключено, что они действуют самостоятельно - под управлением программы "Зов Сердца".

В последнее время Рита не часто бывала у отца - после его развода и появления Насти, все стало по-другому и общение давалось с трудом. Настя изо всех сил старалась понравится детям Лёни и от этой наигранной суеты становилось как-то нехорошо. Рита любила его. И Рома любил, и мама. И эта фальшивая сука, она тоже его любила. Папка был большой и добрый как бревно, которое сонно плывет по течению, перевозя на себе разных зайчиков и белочек. Пол-жизни он провел в жарких странах, делая там чтото важное. Говорил, что строит будущее. Там его звали Леон. Большой Белый Леон, хозяин. И вот теперь, запершись дома, стал превращаться в мешок с гниющими потрохами, желеобразную биомассу в хороводе переполненных пепельниц и потерянных тапочек. Посмотри на кого ты стал похож. Что ж ты так себя запустил?

...Мэй ходила в аэропорту кругами по геометрическому узору, по терракотовым фракталам, вмонтированным в полированный пол, пытаясь угадать в стеклянных отражениях - кто же она - он или она? Ни коротенькие брючки, ни клетчатая рубашка, застегнутая сверху донизу, ни копна жестких волос не давали однозначного ответа. Между снующих деловых чемоданов на колесиках, от киоска к табло прилета-отлета и обратно, разглядывая черных индусов с их женами и детьми. Ее лицо - настоящее азиатское лицо - в перерывах между общением оно находится в состоянии "выключено".

Мэй помнит как все говорили, что она - девочка, но это было очень давно и очень далеко отсюда. Да, она была девочкой. А потом? Она стала женщиной? Нет, чудесным образом она превратилась в прекрасного принца, в хрупкого маленького изгнанника, покинувшего свой дворец, лишенного престола и проклятого правящей династией. Рома принимает ее всерьез, это важно. И еще важно то, что должен быть праздник. Не важно какое у тебя настроение, мальчик ты или девочка, главное - это праздник. Сегодня он будет.

...Попытка подняться с дивана закончилась безуспешно. Леонид Николаич выгибался, принимая античные позы агонизирующего троянского жреца, лихорадочно перемещался по своему прошлому, пытаясь найти причины надвигающегося изнутри коллапса, чтобы вырвать их как сорняки, все исправить. Монолог стал уходить куда-то вдаль, звучать раскатистым эхом, в котором уже не разобрать слов, вырождаться в нечеловеческую морзянку: а-о ы-у...

Нельзя было пускать в дом это чучело тилацина. Все шарахались от него, говорили, что это просто чудовище, но разве он послушал кого-нибудь хоть раз? Упрямство карается непроходимостью - в этом заключена какая-то злая ирония. Проще верблюду пройти через игольное ушко, чем найти выход из такого безвыходного положения как хронический запор. Не нужно сейчас пытаться во что бы то ни стало сохранить ясность сознания, когда боль и мрак начинают побеждать, надо бросить им себя как наживку, замереть и ждать. Может обойдется.

...Рита, дотянувшись, наконец, до бутылки, повертев ее в руках и поставив на место, внезапно для себя приняла решение связаться (прямо сейчас!) со своим итальянским другом Андреа, разбитным малым, сыном известного адвоката и футбольного судьи высшей категории. Хотя вряд ли он посоветует что-нибудь менее банальное, чем стоявшая у Мэй в баре бутылка Кьянти, дожидавшаяся встречи с Романом.

Андреа похоже был занят, но выказал горячее желание все бросить и прямо сейчас мчаться на встречу. Это был пустой звук, но он приятно щекотал и эту милую болтовню никогда не хочется останавливать, к тому же итальянский язык так идет к ее ровному загару и так ярко выделяет из общего хора винного отдела.

Андреа, угадай где я? В супермаркете - выбираю вино. Я с тобой разговариваю и смотрю в упор на молодого человека. Да, он чем-то на тебя похож, не такой эффектный, конечно, но что-то в нем есть. Он так долго смотрит мне в глаза! Такой энергетический взгляд, у меня аж слюнки из писи потекли. Предлагаешь случайно уронить что-нибудь? Это идея! Бутылку? Ему по голове? Ха-ха-ха! Я поняла - я не хочу вино, я хочу мороженое! Так.. где у нас тут мороженое? По-моему он идет за мной. Смотри-ка - полная тележка капусты! Странно - сейчас ведь весна.. Знаешь, меня в школе дразнили капустой, ну, девичья фамилия, переводится как каволо. Я жутко обижалась.

...Мэй не отводит глаз от табло прилета, мраморные треугольники хороводят под ногами в монотонной карусели наскучившего ожидания. Приведите спинки кресел в вертикальное положение. Выпустили шасси. Кишки, пристегнутые ремнем, стали подниматься вверх. Потрясающий нелинейный геймплей: куда ехать? в гостиницу? к ней? к нему? Карусель кружит все быстрей, мелькающие деревья слились мутные полосы.

Она никогда не рассказывала ему о своей родине. Наверно это были не самые приятные воспоминания. Однажды в гостинице выяснилось, что у нее паспорт на имя "Чжен Ляо".

- Кто это? Это твое настоящее имя?
- Неважно. Этого человека уже нет.

Рома тоже почти ничего ей не рассказывал о своей стране - он ничего о ней не знал. Он жил не в стране, а в квартире. Точнее он пока еще не жил - не придумал как он будет это делать. Пока все катилось само по себе.

HOY

Сегодня они будут по-очереди эксгумировать своих игривых инфантильных скелетиков, приводить их в движение, заставлять танцевать, врать, выкручиваться, засовывать пальцы ног в ноздри, пророчествовать и свергать директоров магазинов. Сначала разговоры. Они длятся и длятся. Взахлеб. Из кафе в кафе, из бара в бар. Достаточно убогого международного словаря, вдобавок изрядно исковерканного, чтобы часами поддерживать электрические брызги вокруг себя. Местная публика смотрит на их возбужденный дуэт с усталостью древних римлян.

- Прикинь, они смотрят нас, они думают вот варвары с востока!
- Ага, точно. Особенно тебя. Особенно вон тот маньяк у окна он думает, что мы только что закапывали чей-то тело. Я умею читать мысли. Знаешь это?
- Читать мысли? Отлично! Что я думаю? Вот сейчас. Прочитай. Читай мне голову.
 - Ты думаешь... думаешь нам нужно мороженого. Прямо сейчас.
 - Нет, я думаю реальный варвар ты.
 - Я? Почему?
 - Потому, что у тебя рога. Смотри.
 - Ро-га? Что это ро-га?
 - Это вот здесь. Муу!!
 - Сколько ты здесь будешь?
 - Не знаю. Неделю. Когда кончатся деньги.
 - Я скучаю тебя.
 - Ия.
 - Давай заговорим с маньяком. Расскажем про тело. Как закопали его.
 - Да. Давай расскажем о твое тело. О твои рога.
 - Да. Он купит мороженое.
- ...Слушай, тут во вех кассах очереди, так что ты не бросай сейчас, давай еще поговорим, нон си фермано.

...Как быстро он доверил все новой жене. Что они знают друг о друге? Почему все так гладко? Почему все складывается само собой? Чем она кормила его? Все эти пельмени из пачки, майонез, макароны, хот-доги - почему он безропотно ел у нее с рук?

С тех пор как она тут появилась, я прямо кожей ощущаю, как весь наполняюсь чем-то черным. Зло исходит от нее и пропитывает меня. Тихие, неподвижные бесформенные существа из другого, недоброго мира. Они никак не проявляют себя, не причинияют мне никакого вреда, но я их не контролирую, они - чужие и используют меня как временный контейнер. Рита и Рома сразу отнеслись к Насте настороженно. Где она сейчас? Где ее носит в этот самый момент? В этот долбанный момент, рассыпавшийся на осколки а-о, ы-у, вдох-выдох, где ее носит? Она ведь в прихожей! Она стоит там и ждет. Настя! Нас...

Лекарства! Я ведь не сам их покупал. А кто? Настя? Рита? Кто ходил в аптеку? Я даже этого не знаю! Я даже не читал что на них написано..

...Судя по выражению лиц армейцев, в перерыве между таймами в раздевалке состоялся напряженный разговор. Видимо тренер сделал персональные внушения ребятам. Настроены они весьма решительно. Не нужно надеяться на благосклонность арбитра. Кроме того, не нужно забывать, что трое уже висят на желтых карточках.

В комнату из коридора заглянули два бомжа, одетых совершенно позимнему. Медленные, в полубессознательном состоянии они двигалсь будто черепахи по нефтяному пятну. Один из них сделал шаг внурь, второй остановился замерев перед порогом. Передний зажмурил глаза и стал бормотать бессвязное "не найдецца.. ради.. здоровья вам.. хоть дещащещку.." Торчавший из-за спины, наоборот, - таращился на Леона и беззвучно приседал крест-накрест. Воздух наполнился запахом санитарно-технической катастрофы. "Тебе эти банки.. не нужны? нет? не нужны ведь?" Постояв так с минуту и не получив ответа, они освоились и стали неторопясь запихивать все, что находилось поблизости, в карманы.

Обмылок повседневности выскользнул между пальцев. Фотографическая печаль притворно-заботливо окрасила сгустки воздуха своим нелепым напоминанием о том, что пора закругляться. Нервная, напряженная скука и бесполезность ног - вот главные мотивы танца теней.

Ритина рука, упругая и извилистая как пожарный рукав, протянулась через десять километров по подземным коммуникациям города, по вентиляционным шахтам, раздвигая горизонты, пролезла в комнату и стала яростно биться, снося с полок дагомейские фигурки, копию собора Василия Блаженного, склеенную из спичек, случайные стаканы, книги - сваливая все на пол, переворачивая.

Леон стал шарить по дивану вокруг себя в поисках своих закатившихся глазных яблок. Они где-то тут, рядом - прыгают весело как мячики, хохочут, раздуваются до устрашающих размеров и лопаются как воздушные шарики, виляют щенячьими хвостами - просят поиграть. Их все больше и больше.

Гигантская рука-кишка зубастой слепой пастью кидается на каждый шорох. Хватает и отшвыривает, пытаясь поймать причину этого жуткого беспокойства. Этого ошеломляющего тупика, сплошь оклеенного одинокими объявлениями о продаже личного имущества. Что же произошло? Почему? Как дождевой червь она опутала всю комнату, скрутилась в тугие обручальные кольца, завязалась в несколько самозатягиваюшихся узлов. Бесполезно! Липкие брызги заляпали все вокруг. Рома, принеси тряпку! Слышишь? Рома! Отвлекись на минуту, я, кажется, что-то пролил.

...Подводный таран - это опасный маневр. Нервы экипажа на пределе. Кочаны капусты на камбузе скатываются с палубы на переборку, когда крейсер принимает вертикальное положение и начинает разбег сквозь толщу воды к поверхности.

Ы-ы-ы...

Стопки журналов валятся на стену, шкаф падает и отползает к двери, блокируя выход. Бомжи пытаются выбраться, беспомощно ругаются, пробуют отодвинуть шкаф, но руки заняты хрустальными вазами и ноутбуками, "мы щас.. обожди.. мы щас.. прийдем"

Свет погас, в чернильной темноте на стенах и потолке зажглись неоновые надписи. Голубые, яркие - будто кто-то пьет лунную дорожку через коктейльную трубочку. Ядовито-зеленые, как фосфоресцирующие грибы в подземном лесу.

"Как выбраться отсюда? на хрена мы сюда полезли? а? на хрена? на хрена полезли?" Обессилевшие бродяги вяло и беспомощно сокрушаются в темноте.

Лекарства! Где-то тут были таблетки. Невозможно найти их наощупь. Так можно проглотить какую-нибудь пуговицу. Это совершенно ни к чему.

...Праздник удался! Рома и Мэй ввалились в салон в пароксизме своего безобразного карнавала, бросились на пол и начали ползти на животе между ног полусонных пассажиров. Сквозь фантики, сквозь прилипшие жевательные резинки, сквозь чьи-то следы. Мэй стала отставать, схватила Рому за ноги и он продолжил движение, волоча ее за собой.

Через несколько метров она вдруг отпустила руки и замерла. Рома развернулся, подполз к ней и стал толкать ее своей головой. Мэй медленно перевернулась на спину, откинула руку и простонала: "Ромик, кажется в меня попали". Сделала глубокий вдох и замерла с открытыми глазами. Рома поднялся и сел перед ней на корточки.

"Майка тебя убили." Ее стеклянные глаза смотрели вверх, в невидимую пустоту. Рома заглядывал в них, ища ответа на свой взгляд, но они были безмолвны как две карие пуговицы, застегнутые в узкие прорези. Потом вздохнул киношным вздохом бойца, потерявшего очередного товарища. "Это не напрасно. Придут другие. Мы доведем это до конца."

"Ну, вставай. Слышишь? Вставай, дура, тебя убили." Мэй вскочила: "Да! Теперь все. Все хорошо" Они обнялись и столпившиеся вокруг пассажиры успокоились - "в этом городе многовато ненормальных." "Да.. Ура.. Да.. Теперь все"

...Из опрокинутой пепельницы вывалился непотушенный окурок. Ковер вспыхнул разом как газовая духовка. Сработали противопожарные датчики, давление воды в руке поднялось, но узлы, в которые она запуталась, заблокировали поток. Рука судорожно сжалась в кулак, пальцы побелели, вены выступили, но вода не пошла. Несчастье немедленно и избыточно... Фиолетовые немощи, пределы прочности покровных тканей.

- Да... Никитушка, это ты? Ты сейчас с бабушкой? Я еще в магазине. Никитушка, я приеду и ты мне все расскажешь. Договорились, зайка?

Легкий толчок приземления, LH 4834 "прибыл". Один пропущенный вызов. Купол парашюта оседает, превращаясь из тугой полусферы в бесформенную тряпку.

Свисток. Трибуны ликуют и негодуют, полосатые футболки в истерике хватают воздух перед судьей. С потолка тихонько капает вода. Отполированные ракушки лежат в полосе прибоя. Чучело тасманского волка стоит абсолютно неподвижно.

